

УДК 347.2

Р.Д. Тукшайтов

Институт права

Тольяттинский государственный университет

Россия, г. Тольятти

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Аннотация: статья посвящена определению процессуальных проблем применения отдельных мер пресечения.

Ключевые слова: меры пресечения, принудительное воздействие, запрет определенных действий, задержание под стражу, домашний арест.

R.D. Tukshaitov

Institute of Law

Togliatti State University

Russia, Togliatti

PROCEDURAL ISSUES IN THE APPLICATION OF CERTAIN PRESERVATIVE MEASURES

Abstract: This article examines procedural issues in the application of certain preventive measures.

Keywords: preventive measures, coercive influence, prohibition of certain actions, detention, house arrest.

Процессуальные проблемы применения отдельных мер пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации обнаруживают себя прежде всего в устойчивом расхождении между нормативной моделью,

закрепленной в Конституции РФ, Уголовно-процессуальном кодексе РФ и разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, и фактическими подходами следственно-судебной практики.

Конституция Российской Федерации, гаран器уя каждому право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), допускает его ограничение только на основании федерального закона, при соблюдении принципа необходимости и соразмерности.

В УПК РФ эти требования конкретизированы, в частности, в статьях 7, 9, 10, 97, 99, 108, 109, 110, а также в статьях 105.1–107, регламентирующих запрет определенных действий, залог и домашний арест.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 19 декабря 2013 г. № 41 в редакции последующих изменений специально подчеркнул, что заключение под стражу, домашний арест, залог и запрет определенных действий имеют исключительный характер и применяются лишь при невозможности достижения целей уголовного судопроизводства более мягкими средствами [3].

Вместе с тем анализ судебной практики и научных исследований показывает, что действительные механизмы выбора и продления мер пресечения во многих случаях формализованы, слабо ориентированы на индивидуальные особенности конкретного дела и личности обвиняемого и нередко противоречат как буквальному содержанию норм УПК РФ, так и их конституционно-правовому толкованию.

Одной из ключевых процессуальных проблем является формальный характер оценки судом оснований для избрания и продления меры пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста. В соответствии со статьей 97 УПК РФ применение любой меры пресечения, тем более связанной с существенным ограничением свободы, допустимо только при наличии конкретных данных о том, что подозреваемый или обвиняемый может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, продолжить преступную деятельность, угрожать свидетелям,

уничтожить доказательства либо иным способом воспрепятствовать производству по делу.

Статья 99 УПК РФ дополнительно обязывает суд учитывать данные о личности, род занятий, семейное положение, состояние здоровья и иные обстоятельства. Однако многочисленные обобщения практики, а также исследования, посвященные заключению под стражу, фиксируют ситуацию, при которой суды фактически подменяют анализ реальных рисков ссылкой на тяжесть предъявленного обвинения, размеры причиненного ущерба и абстрактный общественный резонанс дела.

При этом в постановлениях об избрании меры пресечения зачастую воспроизводятся формулировки ходатайства следователя, без указания, какие именно доказательства убеждают судью в реальности и степени указанных в статье 97 УПК РФ угроз. Подобная практика противоречит не только требованиям статей 7 и 108 УПК РФ о законности, обоснованности и мотивированности судебных решений, но и прямым указаниям Пленума Верховного Суда РФ, предписывающим суду проверять наличие конкретных фактических данных, а не ограничиваться перечислением норм закона.

Оценивая конституционность норм УПК РФ о сроках и порядке содержания под стражей на стадиях после окончания предварительного расследования, необходимо подчеркнуть, что любое ограничение свободы допустимо лишь при условии надлежащего судебного контроля, предполагающего не декларативную, а реальную проверку обоснованности необходимости сохранения меры пресечения и невозможности ее смягчения.

Иными словами, суд должен не только ссылаться на закон, но и раскрывать, какие конкретные обстоятельства дела и какие доказательства стороны обвинения свидетельствуют о сохранении рисков, перечисленных в статье 97 УПК РФ. На практике же в апелляционных и кассационных жалобах защита регулярно указывает, что в постановлениях судов первой инстанции отсутствует индивидуализированная мотивировка: решения содержат формулу о том, что «более мягкая мера пресечения не обеспечит

достижение целей уголовного судопроизводства», но не объясняют, почему именно подписка о невыезде, залог или запрет определенных действий не способны нивелировать соответствующие риски.

Пленум Верховного Суда РФ в пункте 4 постановления № 41 специально предписал судам в каждом случае обсуждать возможность применения иной, более мягкой меры пресечения независимо от наличия соответствующего ходатайства со стороны защиты. Сохранение практики шаблонной мотивировки говорит о том, что данное разъяснение нередко воспринимается как формальная декларация, не меняющая реальных критериев судебного усмотрения [3].

Отдельный блок проблем связан с соблюдением разумных сроков применения мер пресечения, прежде всего заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий. Статья 109 УПК РФ детально регламентирует предельные сроки содержания под стражей на стадии предварительного расследования и условия их продления; по смыслу статьи 255 УПК РФ аналогичные гарантии действуют на судебных стадиях.

Статья 105.1 УПК РФ содержит специальное правило о максимальной продолжительности запрета определенных действий: по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести срок применения запрета, предусмотренного пунктом 1 части 6 этой статьи (ограничения, сопряженные с фактическим «арестантским» режимом), не может превышать 12 месяцев. Однако на практике суды иногда продлевают действие запрета либо домашнего ареста до предельных сроков, сосредотачиваясь на формальном соблюдении календарных границ и не анализируя, сохраняются ли условия, оправдывающие столь интенсивное вмешательство в свободу.

Существенные процессуальные сложности возникают и при применении специальных оснований для заключения под стражу по экономическим и коррупционным преступлениям. Часть 1.1 статьи 108 УПК РФ, введенная в развитие конституционно-правовых подходов к защите предпринимательской деятельности, устанавливает дополнительные

ограничения на избрание заключения под стражу в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательства: по общему правилу в таких делаах заключение под стражу не допускается, если деяние связано с осуществлением законной предпринимательской деятельности и не сопряжено с насилием или угрозой его применения [1, с. 155].

Вместе с тем Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 марта 2024 г. № 5-УД24-4-К2 [2] по жалобе в интересах Дзыка В.В. демонстрирует, насколько неоднозначно на практике трактуется граница между предпринимательской деятельностью и иными видами экономических посягательств. В данном деле суд первой инстанции избрал обвиняемому меру пресечения в виде заключения под стражу по обвинению в мошенничестве по ч. 4 ст. 159 УК РФ; апелляционный суд, исходя из того, что инкриминируемые действия связаны с заключением договоров поставки продукции, рассценил ситуацию как предпринимательскую и отменил заключение под стражу, заменив его запретом определенных действий.

Кассационная инстанция, напротив, пришла к выводу, что деяние связано с хищением бюджетных средств, а потому положения части 1.1 статьи 108 УПК РФ не подлежат применению, и отменила апелляционное постановление. Тем самым выявились серьезная процессуальная проблема: отсутствие в законе критериев, позволяющих суду в рамках заседания по мере пресечения надежно определить характер экономических операций, порождает риск произвольного выбора режима свободы, а разноречивая практика кассационных судов затрудняет формирование устойчивых стандартов судебского усмотрения.

Не менее значимым является блок проблем, связанных с применением меры пресечения в виде домашнего ареста, регламентированной статьей 107 УПК РФ. Нормативная модель домашнего ареста предполагает более мягкое по сравнению с заключением под стражу ограничение свободы, позволяющее

обеспечить присутствие обвиняемого и предотвращение процессуальных рисков при сохранении максимально возможной интеграции лица в обычную семейно-бытовую среду.

Однако анализ судебной практики показывает, что условия домашнего ареста зачастую конструируются таким образом, что фактически приближают его правовой режим к содержанию под стражей: обвиняемому запрещается не только выход из жилого помещения, но и пользование средствами связи, общение с широким кругом лиц, любая трудовая и социальная активность, причем эти запреты нередко назначаются шаблонно, без оценки того, какие именно риски они нивелируют [6, с. 65].

В результате домашний арест перестает выполнять функцию более мягкой альтернативы заключению под стражу, а превращается в его «домашний аналог», что противоречит принципу минимально необходимого ограничения прав, вытекающему из статьи 7 УПК РФ и статьи 55 Конституции РФ. Дополнительную остроту проблема приобретает в ситуациях, когда под домашним арестом оказываются лица с тяжелыми хроническими заболеваниями, женщины, воспитывающие малолетних детей, либо обвиняемые, для которых невозможность трудиться означает фактическую утрату средств к существованию; действующая процессуальная регламентация не обязывает суд детально анализировать социальные последствия избираемой конфигурации запретов.

Серьезной процессуальной проблемой является и практика применения запрета определенных действий как отдельной меры пресечения по статье 105.1 УПК РФ. Законодатель задумывал ее как инструмент гибкого, адресного ограничения поведения обвиняемого, позволяющий заменить более жесткие меры пресечения комплексом персонифицированных запретов: не покидать определенную территорию, не посещать конкретные места, не общаться с определенными лицами, не пользоваться средствами связи и т. д.

Однако в реальной практике нередко наблюдаются два крайних подхода. В одних случаях по ходатайству следствия одновременно назначается максимально широкий набор запретов, порой в совокупности более тяжелых, чем типичный режим домашнего ареста, причем без указания, какая именно процессуальная цель достигается каждым из них. В других — суд, формально изменяя меру пресечения с заключения под стражу на запрет определенных действий, фактически воспроизводит те же ограничения, что и при домашнем аресте, тем самым подменяя качественную трансформацию режима свободы обвиняемого лишь сменой юридической формулы.

Особое место в системе проблем занимает крайне ограниченное применение залога как меры пресечения, предусмотренной статьей 106 УПК РФ. Несмотря на формальное закрепление залога в перечне мер пресечения и неоднократные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о необходимости его активизации, статистика и научные исследования свидетельствуют, что доля случаев избрания залога по-прежнему минимальна по сравнению с заключением под стражу и домашним арестом.

В качестве причин указываются как объективные факторы (недоверие судов к эффективности залога для предотвращения процессуальных рисков, отсутствие у многих обвиняемых достаточных средств или имущества), так и чисто процессуальные моменты: отсутствие в законе критериев определения «разумного» размера залога, исчерпывающего, но не чрезмерного по отношению к имущественному положению залогодателя; нерешенность вопроса о допустимости превращения залога в более мягкую меру пресечения по инициативе суда в ходе рассмотрения дела без соответствующего ходатайства сторон; неопределенность процедур взаимодействия суда с органами, осуществляющими контроль за соблюдением условий залога. В ряде научных публикаций подчеркивается, что суды, рассматривая ходатайства следствия о заключении под стражу, зачастую вообще не обсуждают возможность замены этой меры залогом,

ограничиваясь констатацией тяжести преступления, что прямо противоречит разъяснениям Пленума № 41 о безусловной обязанности суда обсудить вопрос о более мягкой мере.

На современном этапе значимые процессуальные проблемы проявляются и в сфере обеспечения прав обвиняемых, относящихся к уязвимым категориям: несовершеннолетних, беременных женщин, лиц, имеющих малолетних детей, инвалидов и тяжело больных. УПК РФ содержит специальные гарантии, ограничивающие возможность заключения под стражу таких лиц, в том числе в статье 108 и ряде норм, регулирующих применение присмотра за несовершеннолетним и иных мер, не связанных с лишением свободы.

Однако обобщения судебной практики свидетельствуют, что эти положения нередко реализуются формально: суды, например, указывают на наличие тяжкого состава и предполагаемый значительный ущерб как на достаточное основание для избрания меры пресечения, не раскрывая, почему именно в конкретной ситуации невозможно обеспечить цели производства посредством запрета определенных действий, залога или иных более мягких средств. При этом вопросы фактической доступности медицинской помощи, наличия условий для нужного ухода за ребенком или лицом с инвалидностью в условиях домашнего ареста или содержания под стражей зачастую остаются вне фокуса рассмотрения ходатайства, что свидетельствует о недостаточной интеграции конституционного принципа приоритета достоинства и охраны здоровья личности в процессуальные решения по мере пресечения.

Не менее важной процессуальной проблемой является организация судебного контроля за изменением и отменой мер пресечения. Статья 110 УПК РФ предусматривает возможность изменения избранной меры как в сторону смягчения, так и в сторону ужесточения при изменении обстоятельств. Однако защита в многочисленных жалобах указывает, что ходатайства об изменении меры пресечения в более мягкую нередко

рассматриваются с явной задержкой, причем в практике отдельных судов сложился подход, при котором подобные ходатайства оставляются без удовлетворения формальной ссылкой на отсутствие «новых данных», хотя сторона защиты представляет сведения о возмещении ущерба, изменении семейного положения, трудоустройстве или тяжелой болезни обвиняемого. Формально закрепленный в УПК РФ принцип «динамичности» меры пресечения, предполагающий ее соответствие текущему состоянию обстоятельств дела и личности обвиняемого, в реальности реализуется непоследовательно [5, с. 194].

Наконец, выявляется группа проблем, обусловленных несоответствием между законодательной и подзаконной регламентацией исполнения отдельных мер пресечения и фактическими возможностями органов, осуществляющих контроль. Домашний арест и запрет определенных действий требуют постоянного мониторинга соблюдения возложенных запретов, использования электронных средств контроля, взаимодействия суда, органов предварительного расследования и уголовно-исполнительных инспекций.

Между тем нормативная база, включая Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых» и ведомственные акты ФСИН России, не всегда согласована с положениями УПК РФ, что приводит к коллизиям: например, к расширительному толкованию перечня допустимых ограничений в рамках домашнего ареста либо к ситуации, когда в отношении лица фактически складывается более жесткий режим, чем предусмотрено судебным решением. Об этом свидетельствуют как научные работы, посвященные анализу применения домашних мер пресечения, так и обзоры практики региональных судов, фиксирующие случаи фактического превращения домашнего ареста и запрета определенных действий в режим, близкий к изоляции в условиях СИЗО.

В условиях выявленных проблем особое значение приобретает обновленная позиция Верховного Суда РФ. Постановление Пленума от 27

мая 2025 г. № 1 [4], внесшее изменения в постановление № 41, направлено на конкретизацию критериев избрания и продления мер пресечения. В числе прочего Пленум особо указал, что заключение под стражу возможно лишь в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое реально может быть назначено наказание в виде лишения свободы с учетом санкции статьи Особенной части УК РФ и положений Общей части; по преступлениям небольшой тяжести заключение под стражу допускается только в исключительных случаях и при наличии дополнительных оснований; отсутствие у лица места жительства или пребывания в РФ не может рассматриваться как самостоятельное основание для изоляции при отсутствии рисков, перечисленных в статье 97 УПК РФ.

Эти разъяснения, безусловно, усиливают ориентацию судов на индивидуализированный и ограничительный подход к применению заключения под стражу и иных жестких мер пресечения. Однако их эффективная реализация зависит от того, удастся ли преодолеть сложившийся в практике стереотип формального доверия позиции стороны обвинения, привычку к шаблонной мотивировке и тенденцию к «страхованию» суда за счет избрания максимально строгих мер. До тех пор, пока судебные решения по вопросам мер пресечения остаются слабо насыщены анализом конкретных доказательств и мало чувствительны к социальным и личным особенностям обвиняемых, перечисленные процессуальные проблемы будут сохраняться, несмотря на последовательное совершенствование нормативной и доктринальной базы.

В совокупности рассмотренные обстоятельства позволяют заключить, что процессуальные проблемы применения отдельных мер пресечения в российском уголовном процессе имеют системный характер и проявляются на всех уровнях — от законодательной детализации оснований и пределов ограничений свободы до практики конкретных судейских решений.

Список литературы:

1. Бегова Д.Я., Магомедова К.Р. Судебная природа меры пресечения в виде заключения под стражу //Закон и право. – 2024. – №. 1. – С. 153-156.
2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 марта 2024 г. № 5-УД24-4-K2 // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=803413#08OmI3VdMfbEp2m>
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (Дата обращения 18.08.2025).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.2025 N 1 "О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года N 41 "О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506357/
5. Харзинова В.М. Актуальные проблемы применения меры пресечения / В.М. Харзинова // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 193-198.
6. Чубуков Б.А., Костенко Д.С. Соотношение правовой природы домашнего ареста и запрета определенных действий в контексте развития института мер пресечения в Российской Федерации //Legal Bulletin. – 2023. – Т. 8. – №. 2. – С. 64-75.